

⁵⁸ Золотарев С. Указ. соч. С. 244.

⁵⁹ Труды I-го Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования... Т. 1. С. 1–29.

⁶⁰ Там же. С. 149–150.

⁶¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 231, д. 75, л. 11.

⁶² Там же, л. 6.

⁶³ Там же, л. 24 об.

⁶⁴ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 2–3.

⁶⁵ РГИА, ф. 733, оп. 173, д. 127.

⁶⁶ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 5–6.

⁶⁷ Научный архив Российской академии образования, ф. 21, оп. 1, д. 484, л. 21.

⁶⁸ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 7–12.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 244, д. 31, л. 3.

⁷⁰ Труды Второго Всероссийского съезда... Вып. 1. С. 84, 93, 108–109.

⁷¹ О деятельности Всероссийского педагогического общества см.: Михайлова М.В. Указ. соч. С. 123–125.

© 2011 г. А.В. КОБЗЕВ*

НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ МУСУЛЬМАН УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 40–80-х годах XX века

Основное внимание в статье уделяется функционированию в 1940–1980-х гг. в Ульяновской обл. незарегистрированных мусульманских религиозных групп, в которых исповедание ислама в силу социально-политических условий атеистического советского государства приобрело внеинституциональный характер. Радикальный курс внутренней политики ВКП(б) (КПСС), направленный на искоренение религиозных традиций в советском обществе, выразился в закрытии в стране культовых зданий, ликвидации системы религиозного образования.

В Ульяновской обл. по официальным данным в 1945–1947 гг. насчитывалось 154 мечети. 109 из них (70% от общей численности) были закрыты еще в 1930-х гг. по решениям Куйбышевского областного исполнительного комитета, Средневолжского краевого исполнительного комитета, местных сельсоветов и общих собраний верующих. Всего в области насчитывалось 133 действующих мечети. В целом, в Среднем Поволжье тотальное закрытие мечетей и свертывание религиозной жизни населения пришлось на всеобщую и принудительную коллективизацию деревни, когда наряду с крестьянами раскулачивались мусульманские служители культа и проводились политические репрессии¹. До 1944 г. в Ульяновской обл. мечети официально функционировали всего в 6 селениях – Уразовка, Старое Тимошкино, Абдреево, Елховый Куст, Уразгильдино и Татарский Калмаюр. В сравнении с дореволюционным периодом, когда в Симбирской губ. насчитывалось 258 мечетей, численность общин в советское время сократилась в несколько десятков раз².

В конце Второй мировой войны в СССР началась частичная либерализация конфессиональной политики государства. Она была обусловлена объективным усилением религиозности населения в годы войны, в том числе и мусульманского, апелляциями властей к религиозным чувствам верующих, способствовавшим консолидации советского народа, и патриотической позицией религиозных организаций³. Уже в 1943 г. в стране существовали 3 духовных управления мусульман – на Северном Кавказе, в

* Кобзев Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного педагогического университета.

Закавказье и Средней Азии. В 1944 г. был организован Совет по делам религиозных культов при СНК СССР, а в марте 1945 г. власти разрешили религиозным управлениям и подотчетным им органам заниматься хозяйственной деятельностью и открывать собственные счета в банке. Наконец, в 1946 г. вышло постановление СНК СССР «О молитвенных зданиях религиозных культов», первый пункт которого запрещал закрытие молитвенных зданий без разрешения Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. Это постановление верующие восприняли как разрешение восстанавливать действовавшие прежде религиозные общины. По меткому выражению А.Б. Юнусовой, наступила краткая «атеистическая оттепель»⁴. Правда, в свете последующих событий хрущевского антирелигиозного наступления это было кратковременное явление. Из 16 мусульманских общин и мечетей, открытых в Ульяновской обл. с 1 апреля 1946 г. по 24 сентября 1947 г., до распада СССР религиозные общества мусульман сохранились только в 5 населенных пунктах – Ульяновске, Уразовке, Абдреево, Старом Тимошкино и Татарском Урайкино. Мечети в селениях Уразовка, Старый Сантимир, Тюгальбуга, Эчкаюм, Поповка уже не функционировали спустя 3–5 лет после регистрации общины. Они были закрыты по решению местных властей в 1949–1952 гг. К середине 1960-х гг. закрыли еще 6 мечетей в селениях Новые Зимницы, Аллагулово, Новые Тимерсяны, Елховый Куст, Уразгильдино, Енганаево и Татарский Калмаюр. Фактически зарегистрированные мусульманские общины сохранились в тех районах Ульяновской обл., где татары-мусульмане представляли этническое и конфессиональное меньшинство по сравнению с православными русскими. Например, в Старо-Кулаткинском районе, населенном исключительно татарами, не осталось ни одной действующей мечети. Впоследствии, в 1960-х – начале 1980-х гг. в области не открыли ни одной мечети, лишь в 1983 г. была зарегистрирована община мусульман в Димитровграде.

Характерной чертой религиозной ситуации в стране 1940–1980-х гг. стало повсеместное появление незарегистрированных религиозных групп, по сути находившихся на нелегальном положении и существовавших параллельно с официально зарегистрированными мусульманскими общинами. Существование таких групп объясняется вполне понятными причинами. Функционировавшие в областях и республиках РСФСР мечети не могли удовлетворить потребности всех верующих мусульман в силу своей малочисленности⁵. Некоторые верующие Ульяновской обл. при относительной близости своих деревень к селению с открытой мечетью могли посещать ее, однако они составляли меньшинство. Например, в 1967 г. 15 верующих села Елховый Куст во время курбан-байрама посетили мечеть в селе Абдреево. В 1969 г. во время уразы-байрама несколько верующих из д. Калда приехали в п. Старое Тимошкино на молитву. Часть из них молилась около кладбища или на нем. В 1976 г. в мечеть д. Уразовка на молитву приехали верующие из соседних селений Нагаево и Татарские Горенки⁶. В большинстве других случаев верующие по дальности расстояния до ближайшей мечети были лишены и этой возможности. Так, в ноябре 1946 г. уполномоченный П.Ф. Симонов отмечал, что к с. Новые Зимницы Старо-Кулаткинского района, в котором проживали только татары-мусульмане и были закрыты все мечети, ближайшая мечеть находилась в 115 км, к с. Новые Тимерсяны Богдашкинского района – в 40 км и с. Татарское Урайкино Мало-Кандалинского района – в 25 км. По официальным данным на 1952 г. из 16 зарегистрированных мечетей только 4 находились на расстоянии 5–6 км друг от друга, 7 мечетей – в 20–35, 3 – в 70–80 и 2 – в 160 км⁷.

В Ульяновской обл., как и во многих других регионах страны, верующие нелегально действовавших религиозных групп вне стен мечети совершали обряды, молились, соблюдали пост в священный месяц рамадан, праздновали уразу-байрам и курбан-байрам. В соседних Татарской и Башкирской республиках насчитывалось до 700 подобных групп⁸. В Ульяновской обл. по приблизительным подсчетам их численность составляла 25–70 групп, и располагались они в 35 селениях⁹. Данные официальной статистики, отраженные в ежегодных отчетах о религиозной ситуации в области, существенно расходятся с имеющимися фактами. Цифры по численности религиозных групп сильно занижены. Например, на 1977 г. в Ульяновской обл. на учете стояло всего 3 незареги-

стрированных группы, в 1978 г. – 5, 1979 г. – 8¹⁰. Иногда официальные данные и вовсе не соответствовали действительности. Так, в официальном отчете уполномоченного С.М. Агафонов за 1979 г. говорилось, что незарегистрированные религиозные группы мусульман в поселках Вырыпаевка и Мирный прекратили свое существование, так как верующие стали посещать центральную мечеть Ульяновска. Весь этот текст перечеркнут вертикальной линией с припиской самого уполномоченного: «Неправда!»¹¹. В ряде случаев уполномоченный сомневался в достоверности сведений, предоставляемых местными органами власти. В 1982 г. районный исполнительный комитет (РИК) Старо-Кулаткинского района рапортовал о прекращении деятельности 3 незарегистрированных групп. В ответ на это уполномоченный Агафонов сделал надпись в тексте: «Прекратилась?!»¹². В том же документе на имя председателя Совета по делам религиозных культов за 1982 г. была обнаружена запись и такого рода: «Меньше стало незаконных религиозных проявлений, культовых действий на местах. За прошедший период (1980–1982 гг.) в области не было случаев совершения культовых действий под открытым небом»¹³.

В 1969–1980 гг. власти регистрировали всего 66 случаев совершения намаза этими группами в пятничные дни, будни, во время мусульманских религиозных праздников. Большая часть случаев приходилась на Старо-Кулаткинский район (37). В связи с этим интересно следующее замечание, сделанное в 1980 г. председателем комиссии содействия по Старо-Кулаткинскому району в селах Старая Кулатка, Бахтеевка, Новые Зимницы, Старый Мостяк, Мосеевка, Старый Атлаш, Старое Зеленое, Средняя Терешка: «Степень религиозности населения выше, чем в других населенных пунктах»¹⁴. В целом, незарегистрированные мусульманские религиозные группы были выявлены в 7 районах Ульяновской обл. – Старо-Кулаткинском, Ново-Малыклинском, Барышском, Чердаклинском, Мелекесском, Николаевском, Карсунском, а также в Засвияжском и Заволжском районах Ульяновска. Очевидно, что подобных случаев имелось намного больше, лишь маленькая толика их регистрировалась властями и отражалась в документах. В отчетах уполномоченного, например в документе за 1969 г., встречаем такую пространную фразу: «По данным комиссий содействия, сельсоветов, в селах, где нет мечети, большинство верующих из пожилых соблюдали пост: днем совершали намаз, а по вечерам разговелись»¹⁵. Во время же курбан-байрама, как говорится в отчете за 1967 г., праздник «почитается по-семейному, на дому многими верующими»¹⁶.

Как правило, в состав групп входили пожилые верующие, обычно мужчины, собиравшиеся от случая к случаю для исполнения религиозных обрядов – на пятничный намаз, разговение во время уразы, на уразу-байрам и курбан-байрам. Согласно отчету председателя комиссии содействия по Старо-Кулаткинскому району за 1980 г., во время религиозных праздников верующие собирались небольшими группами, моление возглавлял один из стариков из числа собравшихся, по пятницам старики, как правило, собирались на «обедню по 3–5 человек» и такие сборы проходили в доме то одного, то другого старика¹⁷. Фактически многие группы функционировали не постоянно. В то же время в некоторых селениях они отличались стабильностью своего состава, и верующие регулярно собирались на молитву. Например, в пригородном к Ульяновску поселке Вырыпаевка в 1970 г. Летфулла Атауллин и Зартдин Фасхутдинов ежедневно с 12 и до 13 час. организовывали коллективные молитвы мусульман. В них участвовали от 15 до 30 верующих¹⁸.

Места проведения религиозных обрядов постоянно менялись. Чаще всего это были жилые дома. Например, в селах Мелекесского района Мордово-Озеро, Филипповка, Моисеевка, Сабакаево «читка Корана проводилась подворно». Во время курбан-байрама в 1970 г. в с. Боровка совершили намаз в двух частных домах группы верующих по 20 человек, в с. Нагаево – в трех, общей численностью 90 человек, в с. Сабакаево во дворе частного дома – 50 человек. В п. Вырыпаевка молитвы проходили в разных домах, расположенных по улицам Отрадная, Бутурлиных, Прокофьева, 1-му Вырыпаевскому переулку и 1-му переулку Алашеева¹⁹. Иногда для совершения коллективного намаза верующие собирались в пустующих домах или «у тех граждан, которые строят

новые дома, как бы в форме новоселья». В Старо-Кулаткинском районе в ряде сел старики по пятницам собирались на молитву «то в одном, то в другом доме для отправления обеда – жума-намаз»²⁰. Некоторые хозяева домов, в которых проводилась молитва, получали за это определенное денежное вознаграждение. Например, в селе Аллагулово Мелекесского района, хозяин дома, допустивший на молитву верующих, получил 43 руб., собранные во время праздничного моления²¹.

Кроме того, татары-мусульмане Ульяновской обл. совершали молитвы на кладбищах. Сообщения об этом (всего 9) содержатся не только в официальных отчетах уполномоченных, председателей РИК и комиссий содействия, но также в заявлениях самих верующих²². Об этом пишет и Юнусова, исследовавшая историю ислама в Башкортостане²³. В 1976 г. по данным Филипповского сельсовета Мелекесского района, «престарелые мужчины... молились каждый у могилки своих близких и родных»²⁴. В связи с этим следует обратить внимание на то, что в исламе шариат запрещает молиться на кладбище, так как «молящийся может оказаться или между могилами, или лицом к могиле, что запрещено»²⁵. Наряду с кладбищем согласно одному из хадисов, который приводят со слов Ибн Умара, Пророк запретил молиться у навозных куч, на бойнях, посреди дороги, в банях, загонах для верблюдов, а также на крыше каабы²⁶. На кладбищах намаз обычно проводился во время религиозных праздников, утром и если этому благоприятствовала погода²⁷.

Иногда молитву совершали группой по 10–15 человек в сторожках и помещениях для хранения похоронного инвентаря. В 1970 г. в с. Средний Сантимир Старо-Кулаткинского района на 4 кладбищах собрались на молитву 83 человека. В с. Калда Барышского района 50–60 стариков утром во время уразы-байрама молились на кладбище, а вечером небольшими группами по 3–7 человек собирались в домах и исполняли намаз. По данным о прохождении уразы и уразы-байрама в области в 1984 г. в ряде районов с татарским населением, где не было мечети, старики собирались по 5–6 человек на кладбище. Надо полагать, что подобная, недозванная с точки зрения шариата, практика исполнения намаза на кладбище, была вынужденным шагом со стороны мусульман в социально-политических условиях советского атеистического государства.

В связи с этим существовало своеобразное функциональное разделение мест проведения намаза – утром на кладбищах во время религиозных праздников нередко многочисленными группами, насчитывавшими несколько десятков человек, и в домах в вечернее время, небольшими группами, не превышавшими двух десятков человек. Кроме того, можно вести речь о своеобразном разграничении мест проведения намаза в зависимости от дней недели. В обычные дни, как отмечали в своем заявлении верующие с. Старая Кулатка за 1955 г., мусульмане собирались на молитву по своим домам, другими словами, совершали одиночную молитву фуради, либо по несколько человек в больших дворах по пятницам²⁸. Соответственно группами на намаз верующие в основном собирались по пятницам, и молитва проходила в доме, либо во дворе. Во все же остальные дни верующие совершали молитву в индивидуальном порядке у себя дома. Об этом достаточно ясно свидетельствуют заявления верующих за 1956–1957 гг. из селений Поповка, Мордово Озеро, Калда²⁹. Во время намаза в период религиозных праздников, верующие обращались к Аллаху с тем, чтобы «он был милостив, не было войны, больше послал бы дождя, провозглашались здравие руководителям партии и правительства»³⁰. Учитывая, что в состав незарегистрированных религиозных групп главным образом входили пожилые верующие, понятным становится содержание их молитв.

Численность нелегальных групп была небольшой (6–100 человек). Во время праздников общее количество верующих с каждым годом менялось и варьировалось в пределах 120–300 человек. Например, в 1969 г. только в 6 селах Мелекесского района Ульяновской обл. в праздничных молитвенных собраниях приняли участие 148 человек. В 1970 г. в 6 селах области во время курбан-байрама на молитву собирались 300 верующих. В следующем, 1971 г. в 11 селах на утреннюю молитву во время курбан-байрама собралось 150 человек, в 1979 г. в 8 зафиксированных властями незарегистрированных

группах – 120 человек. По всей видимости, численность групп постоянно менялась в зависимости от религиозных событий. Так, по сообщению верующих с. Старая Кулатка в обычные дни и по пятницам верующих набиралось до 40–50 человек, во время религиозных праздников – 400–500 человек³¹.

Анализ архивных данных свидетельствует о том, что религиозное поведение людей в селениях, где не было мечети, во время мусульманских праздников реализовывалось в нескольких формах. Во-первых, верующие, в основном пожилые татары-мусульмане, отмечали праздники в кругу семьи с родными и близкими. В таких случаях в селах и татарских деревнях коллективные молитвы не регистрировались властями. Во-вторых, татары-мусульмане собирались группами и совершали праздничную молитву либо на кладбище, либо в доме, тем самым нарушая советское религиозное законодательство. Во время рамадана верующие приглашали по очереди стариков на ужин, во время курбан-байрама – на обед. На праздник курбан-байрам татары-мусульмане приносили в жертву барашков, и по неполным данным количество таковых равнялось 10–50 голов, в 1971 г. – 93 головы скота. Как правило, шкуры забитых баранов сдавались государственным заготовителям. Сколько в действительности забивалось жертвенных баранов во время праздника, сказать сложно. Возможно, их было больше, чем отражает официальная статистика. Так, в октябре 1980 г. татарским населением было сдано 1 195 бараньих шкур, правда, неизвестно, сколько было забито скота именно в порядке жертвоприношения³².

Мулл, действовавших на постоянной основе, также не было. Обязанности имама периодически принимали на себя верующие, мужчины 80–82 лет. Иногда это делал хозяин дома, в котором проходила молитва (по документам был выявлен один подобный случай). Так, в 1978 г. житель п. Вырыпаевка Иршат Абдуллович Мухаметжанов возглавил в своем доме намаз во время уразы-байрама³³. Чаше всего хозяин дома, принимавший верующих на молитву, и имам были разными людьми. Возможно, такое поведение мусульман объясняется соображениями личной безопасности и скрытности от властей, чтобы не дать лишний повод для обвинений в нарушении закона о религиозных объединениях. С этой же целью верующие, исполнявшие обязанности имама, «обычно заявляли, что не считают себя служителями культа, а выступают по просьбе верующих в роли старших на этих разовых намазах, как и при погребении умерших». При этом, судя по отзывам верующих, роль имама исполняют «все, кто грамотный»³⁴. Под грамотностью, видимо, подразумевались знание молитв, возможно Корана, а также же правил исполнения религиозных обрядов.

По имеющимся архивным документам удалось выявить имена и фамилии 76 татар-мусульман, исполнявших обязанности имама. Обычно власти обозначали их терминами – «религиозные активисты», «заштатные служители мусульманского культа». Как правило, они не только руководили молитвой, но и совершали обряды похорон и бракосочетаний. В 1977 г. 85-летний старик Каюм-бабай Курмаев, житель с. Бахтеевка, по словам членов местной комиссии содействия по делам религиозных культов, организовал «демонстрационное шествие по всей центральной улице с участием молодежи, которые несли на ченазе тело усопшего». Он же после гражданской регистрации брака молодых, приходил к ним домой, читал молитву, чтобы, по его воззрениям, «вновь создаваемая семья была счастливой»³⁵. Как отмечалось в отчете председателя комиссии содействия по Старо-Кулаткинскому району за 1980 г., обмывание и отпевание покойного в основном стало происходить в доме умершего, в то время как раньше демонстративно проходило на улице³⁶.

В числе «безмечетных мулл» были не только мужчины, но и женщины, которые во время религиозных праздников собирались отдельно от мужчин. Например, в с. Новые Тимерсяны среди женщин «религиозные молитвенные собрания» проводила, и, по сути, была имамом до самой смерти в 1976 г. Зяйнаб Баку Ахунова. До революции 1917 г. она преподавала в религиозной школе этого села. Ее фамилия указывает на то, что она могла быть родом из семьи потомственных мулл. Более того у нее дома хранилось много религиозных книг на арабском языке³⁷.

По свидетельству представителей власти, в незарегистрированных религиозных группах в основном участвовали пожилые верующие. По данным на 1980–1981 гг., татары Старо-Кулаткинского района в возрасте до 50 лет уразу не соблюдали, а «молодежь за последние годы совершенно в этом не участвует»³⁸. Тем не менее на уровне отдельного населенного пункта, района и области в целом власти предпринимали разнообразные меры для пресечения деятельности подобных групп. Борьба с ними превратилась в борьбу с пожилыми верующими.

В 50–80-х гг. XX в. время репрессий, расстрелов, ночных арестов, лишения свободы прошло. Власти стали использовать меры административного воздействия, а также средства атеистической агитации и пропаганды среди населения. Посильную помощь в этом местным органам власти оказывали комиссии содействия за соблюдением законодательства о религиозных объединениях. Наряду с РИК они контролировали подготовку и празднование мусульманских религиозных праздников. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушения законодательства о религиозных культах» административные меры воздействия ограничивались наложением штрафа, не превышавшего 50 руб.³⁹ В ноябре 1970 г. административная комиссия Засвияжского района Ульяновска, рассмотрев дело «о незаконной деятельности заштатного муллы Сабитова Минятуллы», привлекла его к административной ответственности, наложив штраф в 30 руб. В 1978 г. в Ульяновске на эту сумму за нарушение законодательства о религиозных культах был оштрафован Ш.Х. Шарафутдинов⁴⁰.

В селах меры воздействия нередко ограничивались приглашением хозяина дома, где проходила молитва, для беседы в сельский совет⁴¹. Для оштрафованных «заштатных» имамов было не сложно выплатить требуемую сумму, так как она собиралась с верующих, и через некоторое время молитвы и службы на частных квартирах и в домах возобновлялись. Например, в 1983 г. когда власти пресекли сбор верующих на намаз в п. Вырыпаевка и оштрафовали хозяина дома, то с верующих собрали по 3 руб. и выплатили штраф. При этом нередко после этого менялись и адреса, где все это проходило. В целом представители местных органов власти вплоть до конца 1980-х гг. весьма негативно расценивали деятельность самозванных мулл. В 1988 г. уполномоченный Совета М.В. Иванов писал, что в некоторых районах области до сих пор действуют «безмечетные» муллы, «призывающие в повседневной жизни во всем следовать установлениям Корана, создающих нежелательную морально-психологическую атмосферу»⁴².

Кроме того, местные органы власти для пресечения незаконной деятельности подобных групп с организаторами молений и верующими проводили дисциплинарные беседы, разъясняли им советское законодательство о религиозных культах, предупреждали об административной ответственности за последующие нарушения и даже брали подписки с верующих, что те «впредь не будут нарушать закон». В ряде случаев власти прибегали к мелочной регламентации повседневной жизни мусульман. Так, в 1977 г. комиссия содействия по Старо-Кулаткинскому району не только предупредила об ответственности Каюм-бабая Курмаева за совершение никаха и организацию религиозных похорон, но и предложила жителям с. Бахтеевка «вместо несения усопшего на руках возить на машине по проселочной дороге»⁴³. Как известно, в исламе тело покойного верующие, обычно 6 человек, несут на кладбище на специальных носилках, называемых «ченаза».

Средства атеистической агитации и пропаганды сводились к публикациям в районных газетах, радиопередачам и лекциям в школах о «вреде религиозной обрядности, мусульманского поста, классово чуждой природе и феодально-помещичьей сущности ислама». Кроме того, устраивались спортивные соревнования, демонстрировались кинофильмы, организовывались концерты художественной самодеятельности, проводились молодежные собрания и ставились спектакли. Непосредственно в татарские села перед праздниками и во время них выезжали члены комиссий содействия и разъясняли верующим действующее законодательство, контролировали его соблюдение.

Летом и осенью в период сельскохозяйственных работ на ферме и в полевом стане организовывали библиотечные выставки, выпускали боевые молнии и листовки. Тематика подобных мероприятий носила откровенно антирелигиозный характер: «О вреде курбана», «В чем вред религиозного обряда», «Ураза-байрам – вред для здоровья», «О вреде старых обычаев и новых советских обрядах». Некоторые темы были нацелены на выяснение вопросов происхождения религии, ислама, мусульманских праздников, соотношения религии и науки. При всей, казалось бы, просветительской нацеленности, суть мероприятий сводилась к рассмотрению религии и ислама, в частности, исключительно как регрессивных явлений в истории общества, несовместимых с научным мировоззрением и соответственно подлежащих искоренению из жизни советского человека. Как правило, такие мероприятия особенно активно проводились накануне и в ходе праздников ураза-байрам и курбан-байрам. Интересно, что они не затрагивали пожилое верующее население татар-мусульман и главным объектом антирелигиозной работы были школьники, молодежь и люди среднего возраста.

В целом, борьба властей с незарегистрированными религиозными группами оказалась безуспешной. Внешне им удавалось прекратить их деятельность. Так, в 1976–1977 гг. местные органы власти Чердаклинского, Ново-Малыклинского и Николаевского районов докладывали, что после принятых ими мер верующие больше не собирались для молитвы на курбан-байрам. В 1979 г. уполномоченный Агафонов отмечал, что благодаря мерам, принятым местными властями, в большинстве селений групповых молений вне мечети не наблюдалось. В 1985 г. в Ульяновске благодаря принятым мерам властям удалось предотвратить «автономное моление» в частном доме⁴⁴. Но верующие все равно собирались для молитв, отмечали религиозные праздники вне стен мечети. «Безмечетные» муллы, ранее уличенные в совершении религиозных обрядов, несмотря на штрафы, предупреждения продолжали свою деятельность. В частности, своеобразным «рецидивистом» был 70-летний верующий Шарафутдин Кашаф Шарафутдинович, трижды штрафованный за «незаконное» исполнение религиозных обрядов в 1971, 1978 и 1980 гг.⁴⁵ В 1983 г. в пояснительной записке к «Сведениям о нарушении законодательства о религиозном культе» уполномоченный М.В. Иванов отмечал, что хотя «безмечетный» мулла п. Вырыпаевка Абзалдин Шейхулисламов и был оштрафован на 50 руб., однако нет «уверенности в том, что незаконные моления под его руководством не продолжатся»⁴⁶.

Начиная с конца 1970-х гг. на местах власти просто стали «закрывать глаза», и борьба с религиозными группами была фактически приостановлена. Так, председатель исполнительного комитета поселкового совета п. Старая Кулатка К.К. Бадаев по поводу совершения в бесхозном доме во время уразы-байрама коллективного намаза заявил в июле 1983 г., «что эти небольшие сборы стариков большой опасности не представляют, через 5–7 лет, как умрут оставшиеся старики, религия вообще отомрет». Поэтому и нет необходимости проводить так называемые профилактические мероприятия. Вышестоящие власти строго осудили такое отношение Бадаева к антирелигиозной работе⁴⁷.

Еще в 1978 г., анализируя примерный план работы комиссии содействия по Павловскому району по прекращению деятельности незарегистрированных групп, уполномоченный Агафонов, понимая всю бессмысленность принимаемых мер, написал на плане риторический вопрос: «Разве можно запретить справлять религиозные праздники?»⁴⁸ Исполнительный комитет Боровского сельсовета 24 августа 1979 г. пошел навстречу интересам верующих и разрешил им коллективные моления в двух частных домах. Подобные действия сельсовета не могли не остаться не замеченными и не вызвать нареканий вышестоящих органов власти. В том же году РИК Мелекесского района указал на «неправильные действия и предупредил о недопущении... впредь подобных нарушений». Тем не менее, несмотря на предупреждения районных органов власти, сельсовет села, чуть ли не из года в год разрешал верующим совершать коллективный намаз во время религиозных праздников. Так, в 1981 г. в праздничное утро курбан-байрама состоялась молитва 18 верующих.

В ряде случаев борьба властей с незарегистрированными группами и имамами отвечала интересам некоторых служителей культа действующих мечетей, видевших в них своих конкурентов. «Безмечетные» имамы отнимали у них часть доходов и паству. Иногда муллы, выполняя прямые распоряжения властей, отслеживали деятельность незарегистрированных групп и имамов. Например, с подобной докладной на имя уполномоченного П.Ф. Симонова в ноябре 1959 г. обратился мулла с. Аллагулово Мелекесского района. В ней он сообщал о деятельности «безмечетных» имамов и просил о содействии в ее прекращении⁴⁹.

Причем «безмечетные» имамы действовали и в тех селах, где существовали официально зарегистрированные мечети. В том же с. Аллагулово религиозные обряды параллельно с муллой исполнял «старый пономарь Аряпов Муса». Попытки служителей культа запретить деятельность «безмечетных» имамов как правило не находили отклика среди верующих. Так, в ответ на действия муллы с. Аллагулово Муссы Исмагилова некоторые старики, по его словам, «хотят по-своему действовать, то есть по-старому собираться на квартирах, не в мечети, и вести религиозные обряды»⁵⁰.

Аналогичные обязанности по отслеживанию деятельности незарегистрированных групп и «безмечетных» мулл были возложены на мутаваллиат мечети Ульяновска. Так, в 1983 г. после замены прежних руководителей мечети новые члены исполнительного органа «инициативно сообщили, что в поселке Вырыпаевка много лет действуют самозванные муллы». Правда, для официально назначенного мутаваллиатом центральной мечети Ульяновска в поселок Вырыпаевка имама А.Г. Фаизова, сообщившего уполномоченному в 1983 г. о деятельности «безмечетных» мулл, обращение имело самые неблагоприятные последствия. В поселке разразился конфликт между «безмечетными» мулами и официальным имамом. В начале января 1985 г. уполномоченный Иванов, опираясь на решение муфтия Т. Таджуддина, лишил Фаизова духовного сана. Вместо него, новым, официально назначенным имамом в поселке, стал бывший «заштатный» мулла Сафин Хасият⁵¹.

Некоторые общины действовали по собственной инициативе, заявляя в местные органы власти о деятельности «безмечетных» мулл, и просили «принять к нарушителям предусмотренные законом меры». В 1983 г. с подобным заявлением в горсовет обратился исполнительный орган недавно зарегистрированной димитровградской мечети⁵². Функционирование нелегальных религиозных групп и деятельность «безмечетных» мулл в Димитровграде власти выявили еще в 1968 г. На момент регистрации мусульманской общины в городе действовало до 5 имамов, организовывавших молитвенные сборы верующих в 4–5 частных домах, в которых участвовало 150–200 человек. После официального открытия мечети и регистрации общества мусульман некоторые «безмечетные имамы» не прекратили свою деятельность и по-прежнему продолжали совершать среди населения религиозные обряды.

Иногда было и так, что о деятельности «безмечетных» мулл с заявлениями в местные органы власти обращались и сами верующие, недовольные качеством оказанных им религиозных услуг, и требовавшие принять соответствующие меры. Например, в декабре 1978 г. с подобным заявлением на имя уполномоченного Агафонова обратилась С.З. Садыкова. Она объяснила, что похоронный обряд над ее умершей тетей совершили Арсланов и его жена, которые за обряд и молитвы в 1-й, 3-й и 7-й день взяли с ее дяди 45 руб. В жалобе Садыкова отметила, что Арсланов «не имеет морального права быть муллой (неграмотный. – А.К.), а они (с женой. – А.К.) самовольно взялись проповедовать священные слова на похоронах», и все люди, близкие родственники, посторонние были «очень возмущены поведением Арсланова»⁵³.

С конца 1980-х гг. необходимость борьбы властей с незарегистрированными группами в связи с радикально изменившейся политикой государства в религиозном вопросе постепенно стала сходить на нет. На деле изменения в направлении предоставления верующим реальной свободы вероисповедания воплотились в начавшемся росте числа открытых мечетей и официально зарегистрированных мусульманских общин. С 29 апреля 1988 г. по 27 сентября 1990 г. Совет по делам религиозных культов вынес

решения о регистрации 15 мусульманских общин в селениях Татарский Калмаюр, Енганаево, Абдуллово, Евлейка, Муратовка, Татарский Шмалак, Старая Кулатка, Новые Зимницы, Старый Атлаш, Большой Чирклей, Сабакаево, Елховый Куст, Новые Тимерсяны, п. Вырыпаевка и на Верхней Террасе Ульяновска. К 1 октября 1990 г. по данным уполномоченного В.Н. Егорова в Ульяновской обл., была 21 зарегистрированная мусульманская община. К концу 1991 г. открытия мечетей добились верующие еще 4 селений – Калда, Чердаклы, Уразгильдино и Старый Мостяк⁵⁴. В итоге на момент распада СССР в области появились 25 мусульманских общин. Характеризуя религиозную ситуацию, уполномоченный Егоров 16 ноября 1990 г. писал: «Нынешняя активизация религиозных организаций в значительной мере обусловлена изменением политики государства по отношению к религии, широким общественным резонансом, который вызвало обсуждение и принятие закона РСФСР “О свободе совести и религиозных организациях”, и закон РСФСР “О свободе вероисповедания”, вступившие в действие 9 октября и 10 ноября 1990 г.»⁵⁵.

Появившись в 1930–1940-х гг., неофициальные религиозные объединения мусульман Ульяновской обл. сумели отстоять свое право на свободу вероисповедания, свои религиозные традиции, несмотря на весь арсенал административных и агитационно-пропагандистских ресурсов советского государства. По сравнению с Татарской АССР и Башкирской АССР численность мусульманских незарегистрированных групп в Ульяновской обл. уступала в несколько раз. Тем не менее благодаря их деятельности религиозная жизнь мусульман воспроизводилась и влияла на семейный быт татарского населения, а уровень его религиозности даже по официальным оценкам местных органов власти в 1940–1980-х гг. не снижался и относительно иных конфессий оставался высоким.

Примечания

¹ Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001. С. 353; Миннулин И.Р. Политика советского государства по отношению к мусульманскому духовенству в Татарстане в 1920–1930-е гг.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Казань, 2003. С. 21.

² Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Н. Новгород, 2007. С. 104.

³ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 58; Ислам в Среднем Поволжье... С. 368.

⁴ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 209–210, 219.

⁵ Там же. С. 227–228, 258–262; Ибрагимов Р. Неофициальные религиозные объединения мусульман Татарстана в 1940–1960-е гг. // Ислам в советском и постсоветском пространстве: История и методологические аспекты исследования: Материалы всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования», Казань, май 2003 г. Казань, 2004. С. 80–84; Рой Я. Ислам в Советском Союзе после Второй мировой войны // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. М., 1998. С. 128–138; Ислам в Среднем Поволжье... С. 370.

⁶ Государственный архив Ульяновской области (далее – ГА УО), ф. 3705, оп. 1, д. 82, л. 35; д. 84, л. 15; д. 126а, л. 79.

⁷ Там же, д. 4, л. 9; д. 28, л. 1–17.

⁸ Ислам в Среднем Поволжье... С. 374.

⁹ ГА УО, ф. 3705, оп. 1, д. 8, л. 43–43 об.; д. 103, 106, 109, 126а, 128, 131, 132а, 134, 137.

¹⁰ Там же, д. 126а, л. 13, 43; д. 132а, л. 23.

¹¹ Там же, д. 132а, л. 23.

¹² Там же, д. 145, л. 28.

¹³ Там же, д. 145, л. 31.

¹⁴ Там же, д. 141, л. 76.

¹⁵ Там же, д. 96, л. 3.

¹⁶ Там же, д. 84, л. 15.

¹⁷ Там же, д. 141, л. 76–77.

¹⁸ Там же, д. 103, л. 105.

- ¹⁹ Там же, д. 8, л. 43; д. 102, л. 17; д. 103, л. 105.
- ²⁰ Там же, д. 103, л. 32–33; д. 134, л. 62–63; д. 137, л. 110–111.
- ²¹ Там же, д. 96, л. 140.
- ²² Там же, д. 33, л. 20; д. 103, л. 52, 124; д. 128, л. 28; д. 134, л. 100; д. 137, л. 98; д. 150, л. 84.
- ²³ Юнусова А.Б. Указ. соч. С. 228.
- ²⁴ ГА УО, ф. 3705, оп. 1, д. 128, л. 52.
- ²⁵ Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. С. 57.
- ²⁶ Абдалъхамид Тахмаз. Ханафитский фикх в новом облиии. Т. 1 / Перевод с араб. яз. А. Нырша; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. Н. Новгород, 2007. С. 188.
- ²⁷ ГА УО, ф. 3705, оп. 1, д. 134, л. 100.
- ²⁸ Там же, д. 33, л. 20.
- ²⁹ Там же, д. 33, л. 23, 40, 53, 50–51; д. 150, л. 84.
- ³⁰ Там же, д. 152, л. 16.
- ³¹ Там же, д. 33, л. 23; д. 96, л. 140; д. 127, л. 37; д. 102, л. 17; д. 105, л. 12; д. 132а, л. 23; д. 133, л. 33; д. 136, л. 49, д. 146, л. 88.
- ³² Там же, д. 84, л. 15; д. 85, л. 11; д. 103, л. 49, 52; д. 105, л. 12; д. 106, л. 17–19, д. 128, л. 52, 69; д. 131, л. 32–33; д. 137, л. 111; д. 141, л. 76.
- ³³ Там же, д. 131, л. 119.
- ³⁴ Там же, д. 132а, л. 5; д. 137, л. 98.
- ³⁵ Там же, д. 131, л. 78.
- ³⁶ Там же, д. 141, л. 59.
- ³⁷ Там же, д. 159, л. 13 об.–14.
- ³⁸ Там же, д. 137, л. 97; д. 146, л. 44.
- ³⁹ Там же, д. 151, л. 28.
- ⁴⁰ Там же, д. 130, л. 3; д. 131, л. 41–42; д. 134, л. 45–46.
- ⁴¹ Там же, л. 108, л. 27.
- ⁴² Там же, д. 164, л. 32.
- ⁴³ Там же, д. 131, л. 77–78.
- ⁴⁴ Там же, д. 128, л. 26, 37; д. 131, л. 12–13; д. 133, л. 33; д. 154, л. 26.
- ⁴⁵ Там же, д. 137, л. 69.
- ⁴⁶ Там же, д. 151, л. 9.
- ⁴⁷ Там же, д. 149, л. 49–50.
- ⁴⁸ Там же, д. 134, л. 80.
- ⁴⁹ Там же, д. 8, л. 43–43 об. (орфография текста оригинала сохранена).
- ⁵⁰ Там же, д. 8, л. 42.
- ⁵¹ Там же, д. 144, л. 22, 50–51; д. 151, л. 8; д. 158, л. 12.
- ⁵² Там же, д. 151, л. 22–23.
- ⁵³ Там же, д. 132, л. 12–14.
- ⁵⁴ Там же, оп. 4, д. 27, л. 31, 40–47, 58–61; оп. 1, д. 179, л. 9; д. 169, л. 65–66; д. 176, л. 37; д. 180, л. 31, 99–100.
- ⁵⁵ Там же, д. 171, л. 53.